

К.Н. Батюшков

Избранная лирика

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Б28

Б28 **Батюшков К.Н.**
Избранная лирика / К.Н. Батюшков – М.: Книга по Требованию, 2017. –
112 с.

ISBN 978-5-458-24038-3

По словам Белинского, "Батюшков много... способствовал тому, что Пушкин явился таким, каким явился действительно. Одной этой заслуги... достаточно, чтобы имя его произносилось в истории русской литературы с любовью и уважением". Лирика Батюшкова, отличающаяся поэтической силой и красотой, вошла в золотой фонд русского классического искусства слова.

ISBN 978-5-458-24038-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

К. Н. БАТЮШКОВ

Наряду с Державиным и Жуковским, Константин Николаевич Батюшков занимает в русской поэзии почетное место одного из непосредственных предшественников Пушкина. Недаром, восхищаясь яркой образительностью стихотворения Батюшкова «Вакханка», Белинский писал: «Это еще не пушкинские стихи; но после них уже надо было ожидать не других каких-нибудь, а пушкинских...»

Трагически сложилась судьба Батюшкова. «Что говорить о стихах моих! — сказал он однажды. — Я похож на человека, который не дошел до цели своей, а нес он на голове красивый сосуд, чем-то наполненный. Сосуд сорвался с головы, упал и разбился вдребезги. Поди узнай теперь, что в нем было!»

Тяжелая психическая болезнь пресекла литературную деятельность Батюшкова задолго до того, как был завершен его жизненный путь. Из шестидесяти восьми лет, прожитых Батюшковым, литературе были отданы неполных двадцать. Он пережил Пушкина, Лермонтова, Баратынского, Крылова, Белинского, Гоголя и Жуковского, но живым литературным явлением его поэзия была только для двух первых десятилетий XIX века. С начала двадцатых годов умолк его поэтический голос.

Батюшков родился 18 (29) мая 1787 года в Вологде. Он воспитывался в частных пансионах Петербурга, откуда вы-

пес хорошее знание иностранных языков, в особенности французского, вообще широко распространенного в русской дворянской среде, а также итальянского, которым тогда владели сравнительно немногие русские. По выходе из пансиона в 1803 году Батюшков поступил на службу в министерство народного просвещения. В 1807 году он ополченцем принимает участие в войне с наполеоновской Францией и получает тяжелое ранение. Однако в 1808—1809 годах он снова в походе, на этот раз в рядах русских войск, действовавших против Швеции.

«Штатская служба» (из министерства народного просвещения Батюшков перешел в Публичную библиотеку — помощником хранителя рукописей) никогда не удовлетворяла поэта и к тому же не давала ему материального обеспечения. Отечественная война 1812 года вызвала в нем прилив патриотических чувств. В письме к одному из своих друзей Батюшков сообщал: «Я решился, и твердо решился, отправиться в армию, куда и долг призывает, и рас судок, и сердце, лишенное покоя ужасными происшествиями нашего времени».

В 1813—1814 годах Батюшков участвует в заграничных походах русской армии, приведших к низложению господства Наполеона в Западной Европе.

Тяжелые душевные переживания, вызванные любовью без взаимности, и невозможность по возвращении в Петербург найти применение своим способностям на общественном поприще побуждают Батюшкова поступить на дипломатическую службу. Назначенный секретарем русской миссии в Неаполе, он уезжает за границу. Постигшие его здесь служебные неприятности пагубно отразились на всем нравственном складе Батюшкова. В Россию он вернулся неизлечимо больным. Умер Батюшков в Вологде 7 (19) июля 1855 года.

Творческий путь Батюшкова отчетливо делится на два периода; рубежом между ними является 1812 год.

Самое раннее из дошедших до нас стихотворений Батюшкова, озаглавленное «Мечта», относится к 1802 или 1803 году. Впоследствии он неоднократно его перерабатывал. В этом стихотворении *мечта* признается основным источником поэтического вдохновения: «Мечтанье есть душа поэтов и стихов». Мысль о том, что в мечте — главное счастье человека, пропизывает все творчество Батюшкова первого периода.

Большое влияние на умственное развитие юного поэта оказал его родственник — писатель-сентименталист М. Н. Муравьев, во многом определивший круг литературных интересов Батюшкова. Немалую роль в его творческой биографии сыграло участие в Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств.

В журналах Вольного общества напечатано несколько стихотворений Батюшкова. Одно из них («Где друг наш? Где певец? Где юности красы?») написано на смерть президента общества, радикального публициста и поэта И. П. Пнина. Батюшков оплакивает в нем не только верного друга и отзывчивого к чужим невзгодам человека, но и смелого гражданина:

Пнин был согражданам полезен,
Пером от злой судьбы невинность защищал.

Утверждение гражданского долга, призыв к борьбе с общественным злом и несправедливостью были свойственны наиболее демократически настроенным членам Вольного общества. Эти мотивы не нашли отражения в творчестве Батюшкова, либерализм которого носил умеренно-распльивчатый характер. Но сотрудничество в Вольном обществе не прошло для него бесследно и способствовало развитию в нем интереса к теоретическим вопросам искусства. Впоследствии Батюшков показал себя тонким знатоком архитектуры, скульптуры и живописи и был первым русским художественным критиком.

Еще большее значение имело для Батюшкова общение

с литературно-артистическим кружком известного покровителя искусств А. Н. Оленина. Здесь господствовал культ античности, который горячо разделялся Батюшковым. Его ближайший друг Н. И. Гнедич уже работал тогда над переводом «Илиады» Гомера.

В первые десять лет своей поэтической деятельности Батюшков воспеваеет житейские радости, счастье дружбы и счастье разделенной любви. Воспринимая жизнь как миг, все уносящий с собою («Умру, и все умрет со мной!»), поэт приглашает «искать веселья и забавы и мудрость с шутками мешать». В его настойчивом призыве упитаться земными восторгам по-своему сказался вольнолюбивый идеал независимости человека, достигаемой хотя бы в личной жизни. Развивая традиции так называемой «легкой поэзии» XVIII века, Батюшков доводит до большого совершенства жанр дружеского послания, обязанного главным образом ему своей популярностью в русской лирике первой четверти XIX столетия.

В дружеском послании Батюшкова «Мои пенаты» изображается скромная «обитель» поэта с ее «убогой» обстановкой. Путь сюда заказан для царедворцев и вельмож с их «наемною душой», зато дверь его «хижины» всегда готова распахнуться перед воином-инвалидом, ветераном суворовских походов, случайно проходящим мимо, и перед друзьями-поэтами, «врагами придворных уз», «философами-ленивцами». Что означала *лень* в словопотреблении Батюшкова, показывает его негодующий ответ на приятельский укор Гнедича: «И впрямь, что значит лепь моя? Лень человека, который целые ночи просиживает за книгами, пишет, читает и рассуждает!»

Пушкин, под явным влиянием «Моиx пенатов» написавший свое лицейское послание «Городок», впоследствии отмечал, что стихотворение Батюшкова «дышит каким-то упоеньем роскоши, юности и наслажденья — слог так и трепещет, так и льется — гармония очаровательна». Вме-

сте с тем он осуждал Батюшкова за чрезмерное увлечение условно-поэтическими образами, заимствованными из античной мифологии. «Главный порок в сем прелестном послании — есть слишком явное смешение древних обычаев мифологических с обычаями жителя подмосковной деревни».

В этом высказывании великий поэт с обычной для него пронизательностью указал на силу и слабость поэтического стиля Батюшкова. Не говоря уже о том, что мифологические имена, которыми в своем пристрастии к античности поэт уснащает свои стихи, нередко вступают в противоречие с реальной действительностью, самое изобилие их таково, что требует от читателя соответствующей «классической» подготовки или постоянного обращения к комментарию. Но, несмотря на это, стихотворения Батюшкова явились крупнейшим достижением того «нового слога», за преимущества которого шла ожесточенная борьба в русской литературе. Сам Батюшков выступил в этой борьбе на стороне Н. М. Карамзина и его реформы русского литературного языка.

Ярчайшим памятником литературной полемики этого времени остается сатира Батюшкова «Видение на берегах Леты» (1809). Напечатанное впервые через тридцать с лишком лет после того, как было написано, «Видение», благодаря злободневности своего содержания, было широко распространено среди современников в многочисленных списках. Сатира обнаруживает своеобразную независимость литературной позиции Батюшкова: осмеивая консервативных сторонников «старого слога», он в то же время поднимает на смех и эпигонов-карамзинистов.

Отечественная война 1812 года глубоко потрясла Батюшкова и подвергла жесточайшему испытанию все жизненное поэта. «Ужасные происшествия нашего времени, — писал он Гнедичу, — происшествия, случившиеся как нарочно перед моими глазами, зло, разлившееся по ли-

цу земли во всех видах, на всех людей, так меня поразило, что я насилу могу собраться с мыслями... Я видел, видел целые семейства всех состояний, всех возрастов в самом жалком положении... Видел нищету, отчаяние, пожары, голод, все ужасы войны и с трепетом взирал на землю, на небо и на себя... Ужасные поступки вандалов или французов в Москве и ее окрестностях, поступки, беспримерные и в самой истории, вовсе расстроили мою маленькую философию».

В привычную для него форму дружеского послания Батюшков вкладывает теперь совершенно непривычное для этого поэтического жанра содержание. Послание «К Дашкову» открывается картиной народных бедствий, которые принесла с собой война. Вспоминая о виденных им самим толпах беженцев, спасавшихся от вражеского нашествия, о превращенной в развалины Москве, где ему довелось трижды побывать после оставления ее французами, Батюшков отказывается по-прежнему воспевать

...любовь и радость,
Беспечность, счастье и покой
И шумную за чашей младость.

Отказывается до тех пор, пока на поле боя не отомстит врагам за поруганную отчизну.

Новые темы и мотивы появляются в лирике Батюшкова военных и послевоенных лет.

Картины заграничных походов замечательны в таких стихотворениях, как «Переход русских войск через Неман 1 января 1813 года» и «Переход через Рейн. 1814». Впечатлениями походной жизни навеяно послание «К Никпте». Гусар и донской казак выступают лирическими героями стихотворений «Разлука» («Гусар, на саблю опираюсь...») и «Пленный».

Во всех этих стихотворениях условные элементы сентиментально-романтического стиля в той или иной степени сочетаются с конкретными чертами реальной действи-

тельности. Условны в стихотворении «Переход русских войск через Неман» щиты, брони и копыя, условны «полки славян», но до жути реально чернеющие на снегу трупы убитых. Образ донского казака в «Пленном» сентиментален и лишен подлинной народности. Пушкин находил, что он «поет как трубадур» и что его песня напоминает «куплеты французского романса». Тем не менее сквозь несколько искусственную книжную форму пробивается неподдельное чувство тоски по родине, которое со всей остротой было испытано на чужбине самим поэтом.

Еще в одной из ранних своих элегий, рассказывая о ранении под Гейльсбергом в 1807 году, Батюшков говорил, что он «боялся умереть не в родине своей» («Воспоминание»). Тема родины проходит через многие позднейшие стихотворения поэта. Пребывание в составе русских войск за границей дало Батюшкову богатый запас наблюдений и впечатлений, он получил возможность познакомиться с природой и бытом разных стран, но нигде не покидала его мысль о своем отечестве. В стихотворении «Тень друга», описывая морское плавание из Англии в Швецию, поэт признается:

Всё сладкую задумчивость питало.
Как очарованный, у мачты я стоял
И сквозь туман и ночи покрывало
Светила Севера любезного искал.
Вся мысль моя была в воспоминанье
Под небом сладостным отеческой земли...

Но тема родины никогда не наполнялась у Батюшкова общественно-политическим содержанием, выражая лишь субъективно-психологическое переживание самого поэта. В этом он сходен с Жуковским.

Внутреннее неприятие русской социальной действительности преломляется в лирике Батюшкова в образах, казалось бы, далеких от реальной жизни. Для того чтобы передать, насколько отечественная действительность рас-

ходила с мечтой, которую он лелеял в разлуке с родной, Батюшков как бы отождествляет себя с легендарным древнегреческим скитальцем Одиссеем, достигшим, наконец, заветной цели своих странствий, но... не узнавшим родную страну («Судьба Одиссея»). И это «неузнавание» отчизны было для Батюшкова тем более горьким, чем нетерпеливее было его желание свидеться с нею.

Тема скитаний «из края в край» в разных вариациях возникает в творчестве Батюшкова послевоенного периода, свидетельствуя о нарастании романтических настроений поэта. Разочарованный скиталец — вообще один из излюбленных образов романтиков. Причины его странствий могут быть различны: и стремление заглушить неразделенную любовь («Разлука», «Напрасно покидал страну моих отцов...»), и тщеславные поиски славы («Страствователь и домосед»). Но, по убеждению Батюшкова, «небо чуждое не лечит сердца ран», а для искателя счастья на чужбине может оказаться источником «новых бед». В стихотворной сказке о двух братьях-афинянах сочувствие автора явно на стороне «домоседа» Клита.

Однако идеал Клита — «тихохонько с женою век прожить под сенью отчего пената» — остался недостижимым для Батюшкова. Покинув военную службу, он на первых порах принимает деятельное участие в петербургской литературной жизни, издает в 1817 году свои «Опыты в стихах и прозе», но скоро убеждается в том, что писателю трудно определить свое место в обществе, где самое слово *писатель* звучит еще «дико для слуха».

И опять-таки не случайно возникает в творчестве Батюшкова новая тема — тема судьбы поэта.

«До самой старости преследуемый роком», нищий и слепой создатель героического эпоса Древней Греции Омир (Гомер) вынужден скитаться, нигде не находя пристанища. А младший по возрасту Гезиод (Гесиод), творец дидактического (нравственно-поучительного) эпоса,

хотя и получает первенство на состязании певцов, обречен погибнуть от руки злодея («Гезиод и Омир — соперники»).

Элегия «Умирающий Тасс» посвящена трагической участи знаменитого итальянского поэта, чья жизнь была полна тяжких испытаний и злоключений. И умер он тогда, когда несправедливая судьба намеревалась искупить свою вину перед ним: в Риме готовилось пышное торжество, на котором он должен был получить лавровый венок.

Эту элегию Батюшков считал своим лучшим произведением. В ней, как и в написанном несколько ранее стихотворении «К другу», сказались характерные для его умонастроения этого времени мысль о тщете всего земного («Так все здесь суетно в обители сует!») и надежда на «мир лучший» — за гробом. Эти мистико-романтические мотивы роднят Батюшкова с Жуковским. Но, в отличие от Жуковского, Батюшкову было ведомо и чувство безысходного пессимизма, доходившего до полного отрицания всякого смысла жизни («Ты знаешь, что изрек...»).

К прежним темам своей довоенной лирики Батюшков так и не вернулся. Единственным произведением, которое по своему ликующему тону и жизнелюбивому пафосу отвечает традициям «легкой поэзии», является «Вакханка». Но и оно не столько воспроизводит французский подлиппик, служивший Батюшкову образцом, сколько обнаруживает стремление поэта к творческому проникновению в атмосферу древнего мира. Поэтическое искусство античности прежде всего привлекало к себе Батюшкова цельностью выраженного в нем мировоззрения. В «Вакханке» он достиг изумительной пластичности образов. Дальнейшими завоеваниями Батюшкова в передаче гармоничности и ясности поэтического мира античности были его переводы из греческой антологии и «Подражания древним» (1821).

По сравнению с первым периодом литературной деятельности Батюшкова произведения второго периода отли-

чаются значительно большей зрелостью и разнообразием художественных форм.

Батюшков сознательно стремится к тому, чтобы «область элегии расширить», то есть сделать этот распространенный в романтической поэзии стихотворный жанр более гибким и емким. Историческая эпоха, в которую творил Батюшков, располагала к созданию особого рода элегии — *исторической*. Однако историческая элегия у Батюшкова допускает подразделение на элегию собственно историческую («Умиравший Тасс»), военно-историческую («Переход через Рейн»), легендарно-историческую («На развалинах замка в Швеции»).

«Расширял» Батюшков и другие жанровые формы. Это и дало ему право поместить в своих «Опытах в стихах и прозе» стихотворение «К Дашкову» не среди посланий, а среди элегий.

Очень велики заслуги Батюшкова в усовершенствовании русского поэтического языка и в разработке ритмического строя стиха.

Батюшков считал, что поэт должен пользоваться «обыкновенными словами». Это убеждение помогло ему внести свой вклад в создание русского литературного языка, способствуя его сближению с разговорной речью. Из всех современных ему русских поэтов Батюшков особенно ценил Крылова, утверждая, что «его басни переживут века». У Крылова учился Батюшков умению вести живой рассказ в непринужденной форме разностопного стиха («Страптователь и домосед»).

Но главным достоинством поэзии Батюшкова является ее пылкая, но не нарочитая мелодичность и музыкальность. Именно это достоинство побудило Пушкина отметить в принадлежавшем ему экземпляре «Опытов» Батюшкова одну строку в стихотворении «К другу» и приписать на полях: «Звуки италиянские! Что за чудотворец этот Батюшков!»

К. ПИГАРЕВ